

ЛЕВ ПРОЗОРОВ
ЕКАТЕРИНА КАЛИНКИНА

Вещая Русь

Языческие заговоры
и арийский
обряд

4-е
исправленное
издание

МОСКВА
2015

УДК 293
ББК 86.31
П79

Художник *И. Варавин*

Прозоров, Лев Рудольфович.

П79 Вещая Русь. Языческие заговоры и арийский обряд / Лев Прозоров, Екатерина Калининна. — Москва : Яуза, Издательство «Э», 2015. — 320 с. — (Запрещенная Русь).

ISBN 978-5-699-83924-7

Заговоры. Нашепты. Вещие слова. Отреченные молитвы. Привороты и отвороты, обереги и напуски. Всё это — отголоски великого языческого прошлого, осколки Исконной Веры, поднимавшей наших Пращуров вровень с Богами. Не зря церковь боялась этого наследия ВЕЩЕЙ РУСИ как огня и карала его носителей беспощадно — за хранение «колдовских тетрадей» били кнутом, рвали ноздри, гнали на каторгу, за пользование ими — сжигали заживо. Но, несмотря на все анафемы и пытки, народная Русь сберегала «отреченные слова» не одно столетие — переписывала, заучивала наизусть, колдовала, ворожила, «волховала», заговаривала хворь и пагубу, «приворачивала» любимых, заклинала древние Силы, взывала к Земле и Небу, «славил родных Богов так, как Они завещали Предкам нашим».

Исследовав около 1500 заговоров, эта книга реконструирует древнейшие славянские обряды и по «вещим словам» восстанавливает русский языческий канон, схожий с индоарийскими богослужениями.

«БУДТЕ СЛОВА НАШИ КРЕПЧЕ КРЕПКАГО КАМНЯ, ТВЕРЖЕ ТВЕРДАГО ЖЕЛЕЗА, ОТНЫНЕ И ДОВЕКУ. НЕБО РОДНЫХ БОГОВ ДА БУДЕТ СЛОВУ НАШЕМУ КЛЮЧ. ЗЕМЛЯ РУССКАЯ ДА БУДЕТ ЕМУ ЗАМКОМ».

УДК 293
ББК 86.31

ISBN 978-5-699-83924-7

© Прозоров Л., Калининна Е., 2015
© ООО «Издательство «Яуза», 2015
© ООО «Издательство «Э», 2015

И слова-то, отрешенно думалось воеводе, всё знакомые. Это сколько ж кусков службы кумирам стародавним промеж крещеного люда ходит, за заговоры да «крепкие слова» у нас почитается?!

Лев Прозоров. «Евпатий Коловрат»

ВВЕДЕНИЕ

О чем эта книга

Заговоры. Нашепты. Вещие слова. Отреченные молитвы. Привороты и отвороты, обереги и напуски.

Эта область устного творчества не была обойдена ни собирателями, ни учеными, ни издателями. Что там, до сих пор книги с заговорами занимают немалое место на полках магазинов — правда, преимущественно это яркие брошюры, содержание которых только называется заговорами, но издаются и серьезные сборники и исследования.

Заговоры собирали Л. Н. Майков, И. П. Сахаров, Н. Ф. Сумцов и многие, многие другие. К заговорам обращались такие исследователи, как Ф. И. Буслаев, корифей так называемой мифологической школы в изучении фольклора, фигура мирового масштаба, принадлежавший к той же школе А. Н. Афанасьев, создатель фундаментального трехтомника «Поэтические воззрения славян на природу», В. И. Даль, создатель «Толкового словаря русского языка», основатель исторической школы в России Всеволод Миллер, А. Н. Веселовский, А. А. Потебня и другие светила русской фольклористики. Не прекращалось исследование заговоров и позднее. И все-таки как

Ф. И. Буслаев полтора столетия назад, так и А. Л. Топорков в наши дни сетует на недостаточное внимание ученых к русским заговорам.

И это говорится об исследователях, специалистах. Что же говорить о большинстве читателей?! Увы, как былины в наше время знают большей частью по анекдотам в духе «поссорились как-то три богатыря с тремя мушкетерами» и неудобь сказуемым современным мультфильмам, так и о «заговорах» большинство читателей имеют представление по тем самым пестрым книжкам в мягкой обложке. Так что эта книга, которую вы, читатель, держите в руках, полагаю, будет не последней из интересных и новых книг о русских заговорах.

С самого начала изучения «вещих слов» в них видели остатки язычества, древней веры Руси, отвергнутой ее верховным правителем в 988 году, но долго и цепко державшейся в народе — последний город язычников, Мценск, был силой обращен в христианство войсками великого московского князя Василия Дмитриевича в 1415 году, а последнее вооруженное выступление защитников русских Богов относится и вовсе уже ко временам Анны Иоанновны. Чулков, Попов и Левшин, прототипы русского фэнтези, создатели громоздких и наивных на сегодняшний взгляд «абеveg русских суеверий», обращались к образам из заговоров. Афанасьев, Буслаев и Потебня писали про «остров Буян» и «бел-горюч Алатырь камень». Одни жаждали найти там мифологические сюжеты, другие искали заимствования из легенд близких и дальних соседей Древней Руси, поэты восхищались красотой «вещего слова» — и там есть чем восхититься!

Но реконструировать по заговорам русский

языческий обряд, канон, так сказать, ученые не пытались. Такой задачи перед ними не вставало, они изучали, а не восстанавливали.

С конца 80-х годов XX века в России, Украине и, в меньшей степени, Белоруссии появились люди, для которых возрождение языческой обрядности, казалось бы, было жизненно важно — возродители древних традиций, славянские язычники, перепробовавшие себе много имен — от «православных ведистов» до нынешних «родноверов». Один из авторов этой книги наблюдает сей процесс изнутри с 1992 года и сам принимал в нем довольно активное участие. Увы, и здесь все внимание обращалось на отдельные образы из былинных текстов, все те же Буян и Алатырь. Мало кто из «волхвов»¹ предпринимал глубокое изучение фольклора вообще и заговоров в частности. А кто и предпринимал, тот в основном обращался к ним не как к основному предмету исследования, а как к одному из фольклорных жанров, и не столько с целью реконструкции обрядового текста (его сочиняли каждый на свой лад, более или менее талантливо, но в равной степени произвольно), а с целью реконструкции мифа.

Несколько особняком стоит интересная и подробная работа А. С. Гавриловой «Слово сильное, заговорное», но и она, увы, рассматривает заговоры не столько как обрядовый текст, сколько как магический инструмент. Разумеется, это тоже одна из граней заговора, и не последняя по значению, но нас сейчас интересует не она.

¹ Думаю, наиболее мудрые руководители родноверческих объединений согласятся со мной, что кавычки у этого слова стоят вполне заслуженно. До мнения же остальных мне, откровенно говоря, мало дела. — Л. П.

Отчасти это можно объяснить тем, что до недавнего времени публиковались в основном тексты, записанные собирателями в позапрошлом веке и начале прошлого. Ниже мы подробно объясним, почему записи эти по преимуществу мало пригодны для реконструкции. Наиболее старые и интересные заговоры, сохранившиеся в списках и «колдовских тетрадах» XVII—XVIII веков, большинству читателей до недавнего времени оставались недоступны, их начали как следует публиковать только в середине — второй половине 2000-х годов.

С другой стороны, просто не хватало методики. Обряды восстанавливали Боги знают по каким источникам — в ход шли и детские игры, и хороводные песни, и даже произведения поэтов XIX века. Нимало не желая умалить достоинства хороводов и детских потешек, все же заметим, что ни тот жанр, ни другой не равнозначен обрядам. Играли, в конце концов, дети и в языческих странах — в Греции, например — и плясали в них, и то, что делали дети во время игры или пели девушки в хороводе, все же отличалось, и довольно сильно, от того, что творили и провозглашали жрецы в храмах перед статуями грозного Зевса, лучезарного Аполлона или мрачной Гекаты.

Заговор же, напротив, предельно близок к ритуальному тексту. Он содержит обращение к некоей силе, пребывающей в ином мире (не обязательно высшем — заговоры знают и «темную сторону», мрачный край за «огненной» или «смородяной» рекой). Предстает она иногда в виде некоего загадочного «мужа», «зверя», «царя», «птицы» и так далее. Иногда сила эта обозначена уже христиан-

ским именем, но и тогда за ним проглядывает древняя основа — то «божьих матерей» оказывается аж три (и зовут их при этом Параскевой, Настасьей и Варварой — никаких Марий!), то «Козьма и Демьян, Петр и Павел, великие пособники» обнаруживаются... *висящими* на ветвях «древа Карколиста¹» на острове Буяне. Эту силу просят о помощи, выражают ей покорность («поклонюся и покорюся»), иногда обещают дары. А перед тем как к ней обратиться, выполняют некоторые ритуальные действия («встану», «пойду», «умоюсь» и пр.).

Между тем это только в сочинениях христианских авторов язычники «закона не ведают и сами себе закон творят» — что, честно говоря, является гораздо большей клеветой на наших пращуров, чем замусоленные «кровавые жертвоприношения», кои так любят гневно отрицать травоядные «русские ведисты». Да, единого канона в известных нам языческих странах не было — по той простой и понятной причине, что не было единственного бога; впрочем, и в православии к Богородице не обращаются со словами «Отче наш», а к Пантелеймону-Целителю не взывают о «победе на сопротивная». Не заключаем же мы из этого разнообразия,

¹ Мне уже доводилось — в книге о былинах — писать, что в загадочный «Карколист» превратилось слово «кряковист», то есть «кряковистый», «кряжистый», устойчивый эпитет дуба в русском фольклоре. Более того, на сем приключения слова не завершились, и бессмысленное «Карколист» мутировало в «кипарис», знаковый православной Руси по писанию и житиям святых. В былинах чередуются по отношению к сакральным предметам вроде нательных крестов или досочки, на которой Садко отправляют к морскому царю, эпитеты «белодубовый» и «кипарисный». А в духовном стихе «Голубиная книга» на месте древнего священного дерева руссов — дуба — «всем древам мати» объявляется кипарис, на том основании, что на нем якобы был распят Христос — совершенно как угодники из заговора на «Карколисте». — Л. П.

что в православии нет канонов! Язычество — это *множество, цветущая сложность* канонов, но никак не отсутствие их.

Опять-таки, со времен Афанасьева и Буслаева стало обыкновенным оглядываться при реконструкции русского язычества на единственное государство, где индоевропейское многобожие дожило до наших дней, — на Индию. Из недавних авторов, посвящавших свои работы этой теме, можно назвать Н. Р. Гусеву или С. В. Жарникову. Увы, дело не ограничивается просто исследованием сходства русской народной культуры, сохраняющей дохристианские черты, и древней культуры Индии. В последние несколько десятилетий это вылилось и в странное направление «русского ведизма», «ведического православия», «ведичества», «ведославия» — множества уродливых слов и словосочетаний, обозначающих ничуть не более приглядное явление. «Русские ведисты» чем-то напоминают морских свинок, которые, как известно, ни к свиньям, ни к морю не имеют касательства. Так и «ведисты» имеют весьма косвенное отношение как к русской традиции, которой неведомы их «Крышни и Вышни», так и к Ведам — за кои выдают банальный ИСКОНовский кришнаизм, если вообще не свои собственные бредовые фантазии типа «саматвиризма», «Мертвой воды» и тому подобных болезненных выдумок. Большая часть этих фантазеров не бывала в единственной стране, где традиция Вед непрерывно сохранялась, в Индии, вообще или бывала в качестве туристов. О внимательном изучении санскритских источников речи также не идет — в большинстве случаев и о банальном знании санскрита. И тем паче мало кто из них вни-

мательно, изнутри изучал индоарийскую обрядность.

В этом отношении авторы книги, которую вы держите в руках, находятся в выгодном положении. Екатерина Калининна давно и глубоко занимается индоарийской традицией, регулярно практикует обряды, участвовала в переводе и издании на русском языке книг Вальмики и Абхинавагупты, долго жила в Бенаресе, где проходила обучение у д-ра Вагиша Шастри, специалиста-санскритолога международного класса и одновременно брамина.

С другой стороны, второй автор этой работы, историк и писатель Лев Прозоров, или Озар Ворон, не одно десятилетие своей жизни посвятил изучению русского язычества, его истории, его мифологии и обрядности. Книги Льва Прозорова, посвященные истории и вере языческой Руси, выдержали уже не одно и не два издания. Давно интересует его и тема возрождения славянской обрядности — по возможности близкой к реалу, опирающейся на источники, а не на фантазии и «интуиции» современных язычников.

К теме реконструкции русского языческого обряда соавторы обращаются не впервые. На эту тему одним из соавторов написана статья, которую мы разместили в приложениях.

Собственно говоря, «научным исследованием» в строгом, академическом смысле этого слова настоящая книга не является и на такое звание не претендует. Придерживаясь научных *методов*, не прибегая к «родовой памяти» или к «золотым таблицам» никому не ведомых «волхвов», авторы не считают необходимым разделять «научное *мировоззрение*» или скрупулезно придерживаться ака-

демического этикета, тем паче писать на отлично знакомом им обоим суконном жаргоне философских и исторических факультетов, для понимания которого большинству читателей потребуется переводчик.

Надеемся, что наша работа будет небезынтересной для читателей, небезразличных к истокам русского народа и его древней Вере. Тем, кто хочет знать, что же действительно сохранили для нас от нее прошедшие столетия, не уходя в глухой нигилизм — «ничего не сохранилось... ничего невозможно утверждать» и пр. — и не впадая в галлюцинации «а-ля рюс».

О заговорах поздних и древних

Заговор заговору рознь. Следует с крайней осторожностью подходить к заговорам, записанным в XIX — начале XX века. То, что сообщали собирателям, зачастую вообще не считали настоящими заговорами. «Те заговоры, которые легко сообщаются собирателю, по народному воззрению, «ненастоящи», и, как говорила (...) одна ворожея-старушка, «хоть и вирят им, да уж не так, как настоящим, этих-то мало кому разболтают». «Разболтать» настоящий заговор — значит лишить его действительной силы, и потому все знатоки отговариваются сообщить их, кто незнанием, кто опасением впасть в грех»¹. Надо думать, подлинные знахари и колдуны не торопились делиться секретами с «городским барином», зато активно шли на контакт

¹ *Шайжин Н.* Олонецкий край. (По данным местного фольклора) // Памятная книжка на 1909 год. Петрозаводск, 1909. С. 213; Цит. по: *Гаврилова А. С.* Слово сильное, заговорное: Заговоры и их воздействие на человека. — М.: Ганга, 2010. С. 19.

деревенские балагуры-сказочники, выдавая за «заговоры» плоды собственного творчества. Иных собирателей — И. П. Сахарова, скажем, или М. Забылина — самих подозревали в сочинении заговоров. Следы додумывания, искусственной подделки под лубочную «старину», под «сказочность» в записях Сахарова иногда просто бьют в глаза. Можно ли представить себе, чтобы в XIX веке собирающийся на войну солдат в заговоре упоминал «княжий терем Володимеров», «богатырей ноугородских», «лебедь княжеву», а армию называл «княжьей ратью»? В XVII веке служивый заговаривался от пицдалей и пушек, в XVIII — от мушкетов, карабинов, пистолей и даже винтовок. С чего бы в XIX веке вспоминать про «бердыши» и «мечи»?

Но мало скрытности знахарей, мало деревенских языкатых мужичков и иных нечистоплотных собирателей — видоизменялись, и не в лучшую сторону, сами заговоры. К XIX веку доля христианского начала в заговорах выросла, далеко не ограничиваясь «встану перекрестясь» в начале, «аминь» в конце и обозначением протагониста¹ заговора как «раба Божьего». В самом же XIX столетии заговоры стали беднее и проще. Меньше стало описаний и обращений, меньше рассказов об ином мире, куда обращается за содействием человек, больше простых заклинательных формул. Появилось — чего, как ни странно, раньше не было — запугивание протагонистом тех, к кому он обращался за помощью. Традиционно в науке считается, что магическое сознание более раннее, более «примитивное»

¹ Протагонист — человек, от лица которого произносится заговор, тот самый «я», который (или которая) «встану я помолюсь, пойду перекрестясь».

и «первобытное», то есть в прямом смысле первое, то, что было сначала, сперва. Наблюдаемая по записям русских заговоров разных веков картина прямо противоречит этому. Заговор-молитва со временем уступает свои позиции заговору-заклятию, а не наоборот. Зачастую заговор, переданный на слух, обесмысливался. В воинском заговоре XVII—XVIII веков идущий на бой заговаривается от оружия, повторяя: «Стрела, стой, не ходи на меня!» В списке следующего столетия уже появляется некое существо «Стрелатой», которого именем разных святых заклиняют «не ходить на меня». Один из самых излюбленных персонажей русских заговоров, «железный человек» или «железный муж», что в ранних заговорах (преимущественно от оружия) неизменно появляется посреди железного моря на железном столбе, «от земли до неба, от востока до запада», в поздних записях превращается в «чугунного пастуха», а столб под его ногами из железного трансмутирует в медный. В другом, позднейшем, варианте того же заговора оберегающийся «от пульного железа, от пули пищальной свинцовой» ставит «идола идолова от востока до запада, от земли и до неба». По всей видимости, перед нами все тот же железный человек или муж, лишившийся почти всех своих характерных черт. Хотелось бы, конечно, верить, что это «ставление идола» отражает некое обрядовое действие при произнесении заговора, но, скорее всего, тут просто смутное невоспоминание даже, а подозрение произносящего заговор о нехристианской, «идольской» природе того, к кому он обращается за защитой. К железному человеку мы еще не раз впредь вернемся.

Но если, справедливо спросит читатель, загово-

ры XIX века, записанные собирателями, непригодны — или, скажем мягче, малополезны — для реконструкции древнейших обрядовых текстов, то откуда же известны более древние тексты и почему им больше веры?

В основном эти тексты происходят из отдельных записей и целых «колдовских тетрадок», фигурировавших в качестве вещественных доказательств на судах над колдунами — на всем протяжении XVII и XVIII веков. Эти тексты не были отданы добровольно — их «вынимали» пришедшие за незадачливым ведунном полицейские. В основном такие рукописи уничтожались — их жгли, зачастую — на голой спине того, кто их хранил или ими пользовался (да и в остальном ничего хорошего с попавшимся на колдовстве, пусть самом на современный взгляд «невинном», на берегах, на лекарстве, не случалось — кнуты, вырванные ноздри и каторга были еще не худшим вариантом, иной раз и жгли, совершенно как на просвещенном Западе). Но немало сохранилось в судебных и полицейских архивах московской Руси времен первых Романовых и петербургской империи.

Когда разбираешься в судебных делах о колдовстве тех времен, не можешь понять, чему больше удивляться — страху перед колдовством, пронизывавшим жизнь старой Руси и выливавшимся в безжалостные, свирепые кары просто за найденный дома листок с заговорами, за неосторожное хвастовство в кабаке выведенным «словом», или же тому, сколько народу, невзирая на этот страх, невзирая на жестокие расправы, все же ворожило, узнавало, переписывало и хранило древние «слова». Колдовали не одни специалисты, «богомерзкие бабы»,